

Лишь послушание в душе моей.
Коль смерть моя была бы вам полезна,
Она была б мила мне и любезна.

Что смерть? В сравненье не идет она
С любовью к вам». Маркграфа столь покорный
Ответ смутил. Он видел, что жена
К нему полна любовью непритворной,
И очи опустил. Хотя бесспорно
Он был растроган, все ж он вышел вон,
Вид сделав, что тоскою омрачен.

И вот дворецкий, – тот, что так безбожно
Когда-то у Гризельды отнял дочь, -
Еще наглей, коль быть наглей возможно,
Теперь унес красавца сына прочь.
Бедняжка мать безропотно, точь-в-точь
Как и тогда, дитя благословила
И нежно поцелуями покрыла.

О том лишь попросила, чтобы труп
Ее сыночка в землю схоронили,
Дабы ни птичий клюв, ни песий зуб
Не тронули укрытого в могиле.
Не дав ответа и еще унылей
Взглянув на мать, дворецкий вышел вон.
И был в Болонью мальчик отвезен.

Терпение Гризельды изумляло
Все больше мужа. Если б он не знал,
Какую страстную любовь питала
Гризельда к детям, то бы думать стал,
Что крови дух ее давно алкал
И что ей служат маской лицемерной
Повадки и слова супруги верной.

Но он отлично знал, что лишь он сам,
Лишь он один дороже ей, чем дети.
И вот спросить хотел бы я у дам:
Что дать могли ему все пытки эти?
Какой еще суровый муж на свете
Испытывать мог хуже женин нрав?
Но на своем стоять решил маркграф.

Он был одним из тех людей, которым
Отречься от своих решений – яд,
Им это худшим кажется позором,
И на своем они всегда стоят,
Как будто разум их в тиски зажат.
Решив жену подвергнуть испытанью,
Все дальше шел маркграф без колебанья.

Он за женой следил во все глаза,
Не выдаст ли в ней слово, иль движенье,
Иль тайно оброненная слеза